

ЗАГАДКА КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹О. С. Орлова²

Статья посвящена загадке как объекту лингвистического исследования. Отмечается, что на современном этапе развития науки о языке эта тема не теряет своей актуальности, так как не в полной мере рассмотрена загадка с позиций лингвокультурологии, прежде всего, не выявлены и не описаны культурные смыслы, хранящиеся в традиционных загадках народов мира. Однако, чтобы перейти к данному этапу изучения загадки, необходимо проанализировать уже существующие труды наиболее видных исследователей, когда-либо обращавшихся к изучению загадки с различных позиций, – это и является целью данного исследования. Рассматриваются наиболее фундаментальные труды, посвященные структуре, семантике и прагматике загадки, освещаются взгляды отечественных и зарубежных ученых на различные аспекты исследования загадки в рамках двух основных подходов к ее изучению – филологического и этнолингвистического. Отмечается вклад составителей сборников загадок в их изучение; рассматриваются различные способы организации сборников загадок на примере русскоязычных и англоязычных изданий. Выявляется общее и специфическое во взглядах ученых, когда-либо обращавшихся к изучению загадки, на проблематику ее исследования; суммируются выводы авторов, а также закладываются основы для дальнейшего исследования загадки с позиций науки о языке, прежде всего в контексте лингвокультурологического исследования.

Ключевые слова: загадка, прямой и образный компонент, метафора.

Загадка, как она определена В. Далем, это «что-либо загадочное, сомнительное, неизвестное, возбуждающее любопытство; иносказание или намеки, окольная речь, обиняк; краткое иносказательное описание предмета, предлагаемое для разгадки» [3, с. 506]. Начало изучения загадки в науке о языке связывают с XIX веком. За сравнительно недолгий срок исследования этого жанра можно выделить два основных периода – филологический (вторая половина XIX – первая половина XX века) и этнолингвистический, или антропологический (вторая половина XX века – настоящее время) [10, с. 40].

Началом изучения загадки можно считать ее определение, данное Аристотелем. Согласно Аристотелю:

...Сущность загадки состоит в том, чтобы, говоря о действительном, соединить с ним невозможное. Посредством сочетания общеупотребительных слов этого сделать нельзя, а при помощи метафор возможно, например, «Мужа я видел, огнем припаявшего медь к человеку» и т. п. [1, с. 1099].

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 14-28-00130 «Лингвистические технологии во взаимодействии гуманитарных наук») в Институте языкознания РАН.

² Московская международная академия (Московский институт лингвистики), 129075, Россия, Москва, Новомосковская ул., 15а, стр. 1.

Поступила в редакцию 15.09.2017 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2017-3-6

© Орлова О. С., 2017

В этнолингвистике объектом изучения является загадка, понимаемая как текст культуры, а также условия ее бытования. Загадка и разгадка — это знание, передающееся из поколения в поколение [10, с. 40]. Особое внимание уделяется вопросно-ответной форме загадки, ее метафоричности, неполноте описания загаданного денотата.

В отечественной филологии большой вклад в «загадковедение» внесли такие исследователи, как В. Н. Топоров, А. Н. Журинский, Ю. И. Левин, А. В. Головачева, М. А. Рыбникова, Д. Н. Садовников, В. В. Митрофанова, М. Л. Ковшова и др. Среди зарубежных авторов, чьи труды посвящены загадкам, выделяются С. Я. Сендерович, Э. Кёнгэс-Маранда, Р. Петш, А. Тэйлор, Р. Джордж и А. Дандес, Т. Грин и В. Пепичелло, И. Хэмнетт, Ч. Скотт, Р. Д. Абрахамс и др.

Прежде всего, необходимо отметить особый вклад в изучение загадки составителей соответствующих сборников. Так, наиболее известными и объемными сборниками русских загадок можно назвать издания Д. Н. Садовникова «Загадки русского народа» (1876), «Загадки» М. А. Рыбниковой (1931), а также «Загадки» В. В. Митрофановой (1968). Среди сборников англоязычных загадок можно выделить вышедшую в 1951 году книгу А. Тейлора «Английские загадки в устной традиции» (*English Riddles from Oral Tradition*), а также «Англо-саксонские загадки Эксетерского кодекса/Эксетерской книги» (*Exeter Book*, 1961).

В основе большинства рассматриваемых сборников лежит тематический способ организации. Так, в сборнике «Загадки русского народа» Д. Н. Садовникова находим загадки на следующие темы: жилище, тепло и свет, внутреннее убранство, домашнее хозяйство (утварь и посуда), пища и питье, рукоделие (пряжа, ткань, шитьё), одежда и украшения, двор, огород и сад, домашние животные, упряжь и выезд, на селе, земледельческие работы, в поле, лес, на пасеке, вода, мир животных (звери, птицы, рыбы, гады и прочее), люди и строение их тела, земля и небо, явления природы (погода), понятия о времени, жизни, смерти, душе и прочее, вера, обряды и порядки, грамота и книжная мудрость. Садовников, однако, отмечает, что при группировке загадок по темам не все из них нашли свое место в разделах сборника. По этой причине он включил в свой сборник еще два раздела: вопросы и ответы, а также счет и задачи [9].

Отличный способ организации загадок находим в работе А. Тэйлора, ставящего во главу угла не загаданный денотат, а образный компонент загадки. Так, у А. Тэйлора загадки организованы по следующим разделам: *comparisons to living creatures* (сравнение с живыми существами), *comparisons to an animal* (сравнение с животным), *comparisons to several animals* (сравнение с несколькими животными), *comparisons to a person* (сравнение с человеком), *comparisons to several persons* (сравнение с несколькими людьми), *comparisons to plants* (сравнение с растениями), *comparisons to things* (сравнение с неодушевленными предметами), *enumerationsofcomparisons* (сравнение с несколькими различными объектами), *enumerationsintermsofformorformandfunction* (сравнение с несколькими объектами по форме или по форме и функции), *enumerationsintermsof colour* (сравнение с несколькими объектами по цвету), *enumerationsintermsofacts* (сравнение с несколькими объектами по действию) [15].

Значение сборников загадок, подобных указанным выше, трудно переоценить, так как они вмещают в себя «загадочные» тексты, отражающие картину мира народов, которым принадлежат, и содержат материал для дальнейших исследований.

Ученые, обращавшиеся к рассматриваемому жанру, пытаются установить «истинные» / «подлинные» загадки, реконструировать «загадочный» прототекст. При этом важную роль играет разделение народной и литературной загадок. К «истинной» загадке, как правило, относят народную. В своих трудах, посвященных загадке, отечественные и зарубежные авторы исходят из того, что она предполагает наличие вопроса/загадки и ответа/разгадки, уделяют особое внимание описательной части/вопросу, а также пытаются проследить связь загаданного предмета, явления или действия с тем, как они представлены в тексте загадки.

В.Н. Топоров рассматривает загадку как явление культурно-языковое и утверждает, что загадку следует изучать, принимая во внимание то, что ее исходный локус представляет собой некий текст, понимаемый как целое, а «отдельная загадка не более чем отпавший от сакрального целого тела его профанизированный член» [11, с. 472]. «Загадочный» текст, основной особенностью которого является метафоричность, автор относит к текстам с четко выраженной формальной спецификой. Загадка, по В.Н. Топорову, имеет вопросно-ответный характер, и основу ее составляет именно вопрос. Автор выделяет два основных типа загадок, исходя из связи вопроса и ответа: в первом типе вопрос может иметь более одного ответа, все из которых признаются правильными, а во втором загадчик ведет сознательно запланированную игру, предполагая опровержение наиболее очевидного разгадчику ответа. Особенность языка текста загадки, согласно В.Н. Топорову, состоит в своеобразии распределения стандартных элементов языка, а также в наличии загадочного элемента. Для загадки также характерна совокупность относительно часто повторяющихся элементов, у них особое значение для загадок, обладающих стихотворно-поэтической природой, имеют ритм и рифма [11, с. 472–483].

Ю.И. Левин дает определение загадки с семантической точки зрения, называя загадку текстом, денотатом которого служит некоторый объект, в самом этом тексте явно не названный и исчерпывающим образом не описанный. При этом автор отмечает, что обязательной функцией данного текста является побуждение адресата назвать денотат. По Ю.И. Левину, принципом существования загадки следует считать сознательную зашифрованность отношения знака к денотату [7, с. 283]. Ю.И. Левин, исследуя семантическую структуру загадки, выделяет три основных типа загадки: «признаковые» (*Маленький, горький, луку брат (чеснок)*) «сегментные» (*Четыре уха, а перьев не считать (подушка)*) и «сегментно-структурные» (*Три теленка, один хвост (вилка)*) [7, с. 290–291]. Загадка, по Ю.И. Левину, обладает такими свойствами, как структурность (построена с использованием формальных семантических механизмов) и нереалистичность (описывает невозможную или неправдоподобную ситуацию), каждое из которых и формирует внутренний point. Отмечается и существование загадок, которые внутренним семантическим

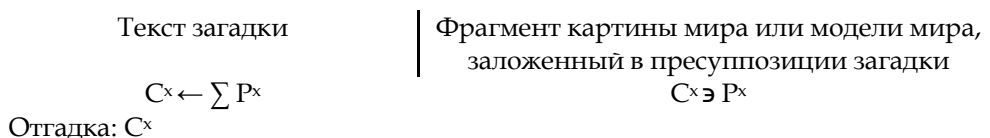

point'ом не обладают («реалистические» и нейтральные загадки). К ним относятся, например: *Двое сойдутся, приобоймутся (ворота), Между грядок лежит гладок (огурец)* [7, с. 293–296].

А. Н. Журинский в своей работе уделяет внимание присущему загадке эффекту обманутого ожидания, возникающему из-за нарушения изоморфизма между исходной и преобразованной ситуациями. Указанные нарушения исследователь сводит к двум большим группам: изменениям отношений между объектами, входящими в исходную ситуацию, или их частями, а также изменению объема ситуации в процессе синтеза загадки [4, с. 7]. Примеры загадок, иллюстрирующих изменения: первой группы – *Летом одевается, зимой раздевается (дерево)* [4, с. 27], второй группы – *Палочка зверя победила (стрела)* [4, с. 67]. Изменение отношений между элементами исходной ситуации, по А. Н. Журинскому, может быть связано с отчуждением объекта от его части (*Зеленая птичка на ветке качается (манго)*), присоединением к объекту части (*Не снегирь, а шейка красная (пионер)*), изменением связи между элементами исходной ситуации (*Впотьмах родится, а с огнем умирает (свеча)*) – изменение роли элементов в действии) и другими видами соединения и разделения элементов (например, с интеграцией объектов: *Есть калейбаса, которую некому открыть (небо и земля)*) [4, с. 27–62]. Изменение объема исходной ситуации при синтезе загадки, согласно А. Н. Журинскому, может быть представлено кадрированием двухобъектной ситуации (*Родится – в две дудки играет (жеребенок сосет молоко кобылы)*), свертыванием исходной ситуации (*Сел на спину – стал ханом (человек кладет на спину дрова)*), пропуском скрытых элементов (*Из дуплистого пня ласточки вылетают (искры)*), аннулированием (*Двое из лука стреляют (рога коровы)*) и односторонним развертыванием преобразованной ситуации (*Вокруг избы гвозди заколачиваю (сучки на бревнах избы)*) [4, с. 63–102].

М. А. Рыбникова в своем труде «Загадки» пишет, что загадка направлена на то, чтобы «развернуть представление о предмете» [8, с. 17], и отмечает видовое, а не родовое. Так, по М. А. Рыбниковой, загадываются обычно конкретные овощи, животные и т. п., а не вообще любое животное или овощ. Согласно М. А. Рыбниковой, загадки могут отражать происхождение предмета (*Летит зверок через божий домик, летит и говорит: «Вот моя силка горит» (свеча)*), его функции (*Сам не видит, а дорогу показывает (столб)*), биографию (*Утром на четырех ногах, вечером на двух, ночью на одной (человек)*), а также зрительное или слуховое впечатление человека от предмета (*Под большим зеркалом плюх-плюх-плюх (вода подо льдом)*) [8, с. 17–21]. В основе загадки, как отмечает М. А. Рыбникова, лежит метафора или метонимия [8, с. 22].

А. В. Головачева, обращаясь к вопросу о прагматике загадки, сравнивает ее с высказыванием, имеющим только рему, и предлагает следующую семиотическую схему загадки:

[2, с. 196]

В представленной схеме C^x – загаданный концепт, P^x – концептуальные, стереотипные свойства загаданного объекта, а $\sum P^x$ – сумма концептуальных, стереотипных свойств загаданного объекта. А. В. Головачева выделяет четыре основных структурно-семиотических типа загадок, основываясь на том, что загаданный концепт репрезентируется в тексте загадки через свои концептуальные свойства. К первому типу относятся загадки, в которых загаданный концепт репрезентируется через свои признаки. Исследователь схематично изображает это как « $C^x \leftarrow M^x$ ». Например: *Тонок, долог, в траве не видать (волос)*. Ко второму типу автор относит загадки, в которых загаданный концепт репрезентируется через свою функцию, характерное действие. Такие загадки схематично имеют вид $C^x \leftarrow F^x$, например: *Два стоят, два ходят, два минуются (небо-земля, солнце-месяц, день-ночь)*. В загадках третьего типа загаданный концепт репрезентируется через его объекты обладания ($C^x \leftarrow R^x$), например: *Два рожка, одна ножка (ухват)*. А в загадках, относящихся к четвертому типу, загаданный концепт репрезентируется через его связь с некоторым процессом, например: *Кто ткёт без рук, без стана и без челнока? (паук)* [2, с. 199 – 213].

М. Л. Ковшова исследует изоморфные «сдвиги» между образами и денотатами в семантике загадок и идиом и обнаруживает много сходного в семантическом устройстве данных знаков [6].

К рассматриваемой теме обращались многие зарубежные исследователи, анализируя загадки народов мира. Так, С. Я. Сендерович в своей работе «Морфология загадки», уделяя большое внимание достижениям зарубежных исследователей (в основном Р. Петша и А. Тэйлора), предпринимает попытку описания структуры «подлинной» загадки, во многом опираясь на труды А. Тэйлора. Согласно С. Я. Сендеровичу, загадку следует определить не как вопросно-ответную форму, а как двучленную, или биномиальную, форму высказывания. Отмечая логическую несовместимость компонентов загадки, для описания логических отношений между ее частями он предлагает использовать термин «зияние» (hiatus), подразумевая зияние смысловое. В «загадочном» описании С. Я. Сендерович видит соединение фигуративного и буквального, что относит к характеристике «подлинной» загадки. По С. Я. Сендеровичу, область народной загадки шире, чем область загадки «подлинной», эту мысль он подкрепляет примерами народных загадок, в структуре которых отсутствует буквальный компонент (*Inthisworldit's a mountain, anduponthismountainit's a grasspiece (a man'shead)* – *В этом мире горка, а на горке травка (человеческая голова)*) или компонент фигуративный (*Roundthefieldsallday, / Sitsonthetableallnight (milk)* – *Весь день в полях, / Всю ночь на полке (молоко)*). С. Я. Сендерович полагает, что отнести к «подлинной» следует именно ту загадку, в которой присутствуют буквальный и фигуративный компоненты, связывая это с тем, что данная форма «структурно полноценная», в то время как остальные представляют ее упрощенные варианты. Появление более поздних (упрощенных) форм загадки, по С. Я. Сендеровичу, может свидетельствовать о ее вырождении [10]. Решение отнести к «подлинной» загадке сложную форму автор связывает с тем, что «культурные феномены не происходят друг от друга в линейной последовательности и в процессе прогрессивного развития по нарастающей» [10, с. 77].

Финский антрополог и фольклорист Э. Кёнгэс-Маранда понимает загадку как «структурную единицу, всегда состоящую из двух компонентов — образной части и отгадки, обе части которой закодированы в соответствии с принятым наименованием жанра» [5, с. 253]. Согласно Э. Кёнгэс-Маранда, загадку следует рассматривать как знак, в котором означающее — ядро загадки, а означаемое — ответ на загадку. Позиция и заключения данного автора подверглись обширной критике со стороны различных исследователей (С. Я. Сендерович, Т. А. Грина, У. Дж. Пепичелло и др.) по ряду оснований. Одним из основных критических замечаний стало то, что Э. Кёнгэс-Маранда в своих исследованиях предпринимала безуспешные попытки перенести лингвистическую терминологию в теорию литературоведческого анализа метафоры в загадке. Рассматривая взаимосвязь загадки и отгадки на материале финских загадок, она выделяет загадки-метафоры (сравнение двух различных объектов, схожих по форме или структуре) и загадки-парадоксы (сравнение двух вещей, сходных по функции). Загадки-метафоры автор определяет как объединение двух множеств, а загадку-парадокс — как пересечение двух множеств [5, с. 273—275]. Исследователь устанавливает, что в загадке сочетается несочетаемое, и выделяет следующие отношения между загадкой и отгадкой.

<i>Образная часть загадок</i>	<i>Ответ</i>
Человек	Предмет культуры
Человек	Дикое растение
Дикое растение	Человек
Человек	Домашнее животное
Цвет	Предмет культуры
Предмет культуры	Предмет культуры
Естественный предмет	Предмет культуры
Человек	Явление природы
Явление природы	Предмет культуры
Число	Явление природы
Дикое животное	Человек
Предмет культуры	Домашнее животное
Домашнее животное	Предмет культуры
Предмет культуры	Человек
Предмет культуры	Явление природы
Число	Бог

[5, с. 273].

Кроме того, Э. Кёнгэс-Маранда различает загадки простые (одночленны: содержат одну истинную посылку, одну ложную посылку и один ответ), сложные (многочленны: какой-либо из компонентов распространен) и цепные (многочленны и образная часть, и ответ). Простая загадка состоит из пяти элементов: явный термин, постоянная посылка, скрытая переменная посылка, явная переменная посылка, а также скрытый термин (ответ). Например, в загадке *Одна свинья, два рыла (плу)* явный термин — свинья, постоянная

посылка — имеет рыло, переменная посылка — два в образной части, одно в ответе, скрытый термин — плуг. Сложная и цепная загадки представляют собой ряд трансформаций простой загадки [5, с. 257—263].

Немецкий исследователь Р. Петш в своих трудах разграничивает «подлинную» (die wirklichen Volksrätsel) и «неподлинную» (unwirkliche) загадку, выделяя, прежде всего, описательную часть загадки как обязательное условие для подлинной загадки, имеющее либо изобразительный характер, либо эхоподобное звуковое отражение и образующее ядро загадки. Согласно Р. Петшу, в загадке можно выделить пять основных составляющих: вводный обрамляющий компонент (einführendes Rahmenelement), компонент ядра, косвенно называющий, или представляющий, загаданный предмет (benennendes Kernelement), описывающий компонент ядра (beschreibendes Kernelement), тормозящий компонент (hemmendes Element), а также заключительный обрамляющий компонент (abschliessendes Rahmenelement). Однако не все они являются обязательными для загадки. По Р. Петшу, чтобы определить загадку, достаточно двух элементов: косвенно называющего и описывающего. Примером, иллюстрирующим все компоненты загадки, может быть немецкая загадка о кроте:

Hinter úsenHúse
 PloigetvadderKrúse
 Ôneplaug und ône rad.
 Râemâl tau wat is dat?
 (Позади нашего дома
 пашет папаша Краузе
 Без плуга и без колеса.
 Разгадай-ка такие чудеса.)

В данной загадке «Позади нашего дома» и «Разгадай-ка такие чудеса» — обрамляющие компоненты, «папаша Краузе» — называющий компонент ядра, «пашет» — описывающий компонент, «без плуга и без колеса» — дополнительный описательный компонент [10, с. 60—63].

Американский исследователь А. Тэйлор считает, что подлинная загадка (truerriddle) представляет собой сравнение загадываемого объекта с объектом, который сильно от него отличается. А. Тэйлор, как и Р. Петш, различает в загадке ядро и обрамляющие компоненты. В ядре он выделяет две основные составляющие: основной описывающий компонент (positive element), обладающий метафористическим характером, и противопоставленный ему (negative element), имеющий буквальный характер. Так, в ирландской загадке о картофеле *Something has eyes and cannot see* (С глазами, но не видит) метафористическим характером обладает eyes (с глазами), которое может быть воспринято разгадчиком буквально, что усложняет загадку, а буквально — can not see (не видит) [13, p. 111—112].

Исследователи Р. Джордж и А. Дандес, определяя загадку, следуют за Р. Петшем и А. Тэйлором и сосредотачивают свое внимание на описательной ее части. По их мнению, чтобы дать структурное определение загадки, необ-

ходимо выделить минимальную единицу анализа, для которой они тоже предлагают термин «описывающий компонент». По Р. Джорджу и А. Дандесу, описывающий компонент состоит из темы (topic) и комментария (comment). Тема — определяемый объект, а комментарий — утверждение о нем, связанное, как правило, с его формой, функцией или действием. Так, загадка о спичке: *It has a head but can't think (с головой, но не думает)* — состоит из двух описывающих компонентов (первый — *It has a head* (с головой), второй — *but can't think* (но не думает)) [13, p. 112–113]. Основываясь на этом, они дают следующее определение: «Загадка — традиционное словесное выражение, состоящее из одного или более описывающих компонентов, которые могут быть в оппозиции. Референт должен быть разгадан» [13, p. 113].

Т. А. Грин и У. Дж. Пепичелло определяют загадки как традиционные вопросы различных типов (в отличие от иносказательных описаний), которые предполагают ответ. Например, загадка о кофе, построенная на игре слов (ground как земля, ground как молотый): *When is coffee like the soil? When it's ground* [16, p. 17]. Согласно авторам, загадка имеет вопросно-ответную форму и предполагает возможность ее разгадывания с опорой на информацию, содержащуюся в вопросе. Исследователи отмечают, что разгадка возможна при условии, если отгадчик сумеет определить приемы, лежащие в ее основе и осложняющие разгадку, а информация, необходимая для разгадки, в свою очередь, определяется вовлеченностью отгадчика в данную культурную систему. Акт загадывания при этом должен осуществляться в рамках данной традиции и в определенном контексте загадывания [16, p. 19].

Согласно Ч. Скотту, загадку следует определять как единицу дискурса, состоящую из обязательного пропозиционного слота, заполненного высказыванием *p* (proposition), а также обязательного слота ответа, заполненного высказыванием *a* (answer) («unit of discourse consist in go fan obligatory propositions lot filled by anutterance *p* and obligatory answers lot filled by anutterance *a*») [16, p. 4]. Ч. Скотт, обращаясь к семантическому аспекту загадки, концентрируется на неполном смысловом соответствии между описанием и разгадкой, которое называет «затемненным семантическим соответствием» («partially obscured semantic fit»). Описательную часть загадки Скотт определяет как пучок аллосем, варьирующих некоторую семантическую черту, представленную в ответе [10, с. 29].

Р. Д. Абрахамс, обращаясь к загадке, учитывает как структурный, так и когнитивный аспекты. Он выделяет четыре основных способа представления образа (или гештальта) в загадке: оппозиция, неполное описание, чрезмерные подробности в описании, ложный образ [12, p. 131].

И. Хэмнетт отмечает, что загадки являются одной из форм двусмысленности или амбивалентности, и изучать их следует в свете социальных и когнитивных функций двусмысленных или амбивалентных высказываний, понятий и действий. В загадке И. Хэмнетт видит совмещение двух взаимно несоответствующих множеств концептов или правил интерпретации [14].

Необходимо также подчеркнуть, что список исследователей, сосредотачивающих свое внимание на загадке, этим не исчерпывается, а принимая во

внимание интерес, который загадка представляет как объект исследования благодаря своей структуре и хранящимся в ней культурным символам, следует отметить, что данный список продолжает пополняться.

Выводы. В филологии исследование загадки развивается в различных аспектах. Исследователи отмечают, что ее основу составляет вопросная часть, «загадочный» текст, который авторы членят на различные составляющие и выделяют на основе этого определенные типы загадок. Структура загадки, по мнению большинства исследователей, включает образный и прямой компоненты, хотя существуют и загадки, в составе которых присутствует только один из них. В основе образного компонента загадки лежит, как правило, метафора, сравнение или метонимия. Многие загадки также содержат элементы, осложняющие их отгадку, интерес и классификация которых представляют особый интерес.

Учитывая труды отечественных и зарубежных исследователей, посвященные загадке, отметим, что ее следует рассматривать в контексте традиционной культуры, которой она принадлежит. Особое значение имеют исследования образной семантической структуры загадки, ее образного компонента. Важно также описывать сами условия загадывания. Наиболее перспективным в современной науке о языке представляется разработка культурно-когнитивного аспекта исследования загадки как знака, хранящего в себе культурную информацию. Загадка — текст культуры, который необходимо исследовать в контексте культуры и того паремиологического дискурса, частью которого загадка является.

Список литературы

1. *Аристотель*. Поэтика. Об искусстве поэзии // Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск, 1998. С. 1064–1112.
2. *Головачева А. В.* К вопросу о прагматике загадки // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст 1. М., 1994. С. 195–213.
3. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1863. Ч. 1.
4. *Журицкий А. Н.* Семантическая структура загадки: неметафорические преобразования смысла / отв. ред. Н. В. Охотина. М., 1989.
5. *Кёнгэс-Маранда Э.* Логика загадок / пер. Н. Кузьминой // Паремиологический сборник. Пословица. Загадка (структура, смысл, текст). М., 1978. С. 249–282.
6. *Ковшова М. Л.* Идиома и загадка. Загадочность идиом // Когнитивные исследования языка. Лингвистические технологии в гуманитарных исследованиях : сб. науч. тр. Вып. 23. М. ; Тамбов, 2015. С. 643–651.
7. *Левин Ю. И.* Семантическая структура загадки // Паремиологический сборник. Пословица. Загадка (структура, смысл, текст). М., 1978. С. 283–314.
8. *Рыбникова М. А.* Загадки. М. ; Л., 1932.
9. *Садовников Д. Н.* Загадки русского народа : сб. загадок, вопросов, притч и задач. СПб., 1876.
10. *Сендерович С. Я.* Морфология загадки. М., 2008.
11. *Топоров В. Н.* К реконструкции «загадочного» прототекста (о языке загадки) // Исследования по этимологии и семантике. Т. 2: Индоевропейские языки и индоевропеистика. Кн. 2. М., 2006. С. 471–483.
12. *Abrahams R. D., Dundes A.* Riddles // *Folklore and Folklife: The Introduction*. University of Chicago Press, 1972. P. 129–144.

13. *Georges R. A., Dundes A.* Toward a Structural Definition of the Riddle // *The Journal of American Folklore*. 1963. Vol. 76, № 300. P. 111 – 118.
14. *Hamnett I.* Ambiguity, classification and change: the function of riddles, 1967. URL: http://www.era.anthropology.ac.uk/Era_Resources/Era/Riddles/hamnet.html (дата обращения: 14.03.2017).
15. *Taylor A.* English Riddles from Oral Tradition. Berkley ; Los Angeles, 1951.
16. *Green T.A, Pepicello W.J.* The Folk Riddle: A Redefinition of Terms // *Western Folklore*. 1979. Vol. 38, № 1. P. 3 – 20.

Об авторе

Орлова Ольга Сергеевна, аспирант, Институт языкознания РАН, преподаватель, Московская международная академия (Московский институт лингвистики), Россия.

E-mail: orlovaolgas@list.ru

Для цитирования:

Орлова О. С. Загадка как объект лингвистического исследования // Слово.ру: Балтийский акцент. 2017. Т. 8, №3. С. 104 – 114. doi: 10.5922/2225-5346-2017-3-6.

THE RIDDLE AS AN OBJECT OF LINGUISTIC RESEARCH

O. S. Orlova^{1, 2}

¹ *Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
1/1 Bolshoy Kislovsky Ln, Moscow, 125009, Russia*

² *Moscow International Academy
15A/1 Novomoskovskaja Str., Moscow, 129075, Russia*

Submitted on September 15, 2017

The article considers the riddle as an object of linguistic research. Today, studying riddles remains relevant, since they have not been examined from the perspective of cultural linguistics. The cultural meanings preserved in traditional riddles across nations have not been identified and described. However, filling this gap requires an analysis of the most prominent research works in the field. The most fundamental works on the structure, semantics, and pragmatics of riddles are considered in this article. The author reviews the ideas of Russian and international researchers on different aspects of riddle studies within the two major approaches – the philological and ethnolinguistic ones. The article stresses the contribution made by the compilers of collections of riddles to riddle studies. Different ways to organize collections of riddles are described in the case of Russian and English editions. The article identifies the ideas both common and unique to individual riddle researchers and summarizes their findings. The author lays groundwork for further research on riddles from the perspective of linguistics, in particular, cultural linguistics.

Key words: riddle, narrative and figurative component, metaphor.

References

1. Aristotel', 1998. Poetics. On the art of poetry. In: Aristotel'. *Etika. Politika. Ritorika. Poetika. Kategorii* [Ethics. Politics. Rhetoric. Poetics. Categories]. Minsk. pp. 1064 – 1112.

2. Golovacheva, A.V., 1994. To the question of pragmatics of riddle. In: *Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoi dukhovnoi kul'tury. Zagadka kak tekst 1* [Studies in the field of the Baltic-Slavonic spiritual culture. Riddle like text. 1]. Moscow, pp. 195–213.
3. Dal', V.I., 1863. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Moscow. Part. 1.
4. Zhurinskii, A.N., 1989. *Semanticheskaya struktura zagadki: Nemetaforicheskie preobrazovaniya smysla* [Semantic structure of the riddle: Non-metaphorical transformations of the meaning]. Moscow.
5. Kenges-Maranda, E., 1978. Logic of riddles. In: G.L. Permyakov, ed. *Paremiologicheskii sbornik. Poslovitsa. Zagadka (Struktura, smysl, tekst)* [Paremiological collection. Proverb. Riddle (Structure, meaning, text)]. Moscow, pp. 249–282.
6. Kovshova, M.L., 2015. Idiom and riddle. Mysteriousness of the idiom. In: V. Dem'yankov, E. Pozdnyakova, eds. *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Lingvisticheskie tekhnologii v gumanitarnykh issledovaniyakh. Vyp. XXIII* [Cognitive studies of the language. Linguistic technologies in humanitarian research. Issue XXIII]. Moscow; Tambov, pp. 643–651.
7. Levin, Yu.I., 1978. Semantic structure of the riddle. In: G.L. Permyakov, ed. *Paremiologicheskii sbornik. Poslovitsa. Zagadka (Struktura, smysl, tekst)* [Paremiological collection. Proverb. Riddle (Structure, meaning, text)]. Moscow, pp. 283–314.
8. Rybnikova, M.A., 1932. *Zagadki* [Riddles]. Moscow; Leningrad.
9. Sadovnikov, D.N., 1876. *Zagadki russkogo naroda. Sbornik zagadok, voprosov, pritch i zadach* [Riddles of the Russian people. Collection of riddles, questions, parables and tasks]. St. Petersburg.
10. Senderovich, S. Ya., 2008. *Morfologiya zagadki* [Morphology of the riddle]. Moscow.
11. Toporov, V.N., 2006. To the reconstruction of the "mysterious" proto-text (about the language of riddle). In: Toporov, V.N. *Issledovaniya po etimologii i semantike. T. 2: Indoevropaiskie yazyki i indoevropеistika. Kn. 2* [Studies on etymology and semantics. Vol. 2: Indo-European Languages and Indo-European Studies. Book. 2]. Moscow, pp. 471–483.
12. Abrahams, R.D., Dundes, A., 1972. *Riddles. Folklore and Folklife: The Introduction*. Chicago, pp. 129–144.
13. Georges, R.A., Dundes, A., 1963. Toward a Structural Definition of the Riddle. *The Journal of American Folklore*, 76(300), pp. 111–118.
14. Hamnett, I., 1967. *Ambiguity, classification and change: the function of riddles*. Available at: http://www.era.anthropology.ac.uk/Era_Resources/Era/Riddles/hamnet.html [Accessed 14 April 2017].
15. Taylor, A., 1951. *English Riddles from Oral Tradition*. Berkley; Los Angeles.
16. Green, T. A., Pepicello, W. J., 1979. The Folk Riddle: A Redefinition of Terms. *Western Folklore*, 38(1), pp. 3–20.

The author

Olga S. Orlova, PhD student, the Institute of Linguistics, the Russian Academy of Sciences, Russia; Lecturer, Moscow International Academy (Moscow Institute of Linguistics), Russia.

E-mail: orlovaolgas@list.ru

To cite this article:

Orlova O. 2017, The Riddle as an Object of Linguistic Research, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 8, no. 3, p. 104–114. doi: 10.5922/2225-5346-2017-3-6.